

Чудинский Е.А

**Русские народные сказки,
прибаутки и побасенки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Е11

Е11 **Е.А Ч.**
Русские народные сказки, прибаутки и побасенки / Чудинский Е.А – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 147 с.

ISBN 978-5-521-30446-2

ISBN 978-5-521-30446-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1. Мизинчикъ.

Жилъ былъ мужичекъ семейный, да бѣдный. Дѣтокъ много, а перекусить нечего. Дѣтки все малые, — малъ-мала меньше, а самый меньшей ростомъ съ мизинчикъ. Такъ его и звали мизинчикомъ. Мужика звали Максимомъ, жену Пелагѣей. Разъ въ вечеру дѣтки улеглись спать, Максимъ и говоритъ женѣ: „Пелагѣюшка! какъ намъ жить-то? Дѣтокъ сколько, а въ домѣ хлѣба ни корки!“—Охъ, Максимушка! говоритъ Пелагѣя,—тяжко, что и говорить, — хоть бы котораго Господь прибралъ! — „А я вотъ что думаю, Пелагѣюшка, не свести ли мнѣ половинку ихъ къ барину, — можетъ, котораго возметъ въ услугу! А баринъ не приметъ, такъ просто хопъ въ лѣсъ заводи, да бросай ихъ тамъ, какъ котятъ! Добрые люди, можетъ, найдутся, — пріютъ дадутъ, а намъ совсѣмъ не до нихъ!“ — Дѣлай, какъ знаешь! говоритъ Пелагѣя. — Поговорили такъ мужикъ съ бабой, огонь погасили и заснули. А Мизинчикъ, лежа на полатахъ, весь этотъ разговоръ подслушалъ, да на другой же день утромъ выпросилъ у сосѣдей краюшечку хлѣбца, положилъ ее въ кармашекъ и никому объ этомъ ни словечка. На другой день взялъ мужикъ четверыхъ дѣтокъ своихъ, самыхъ младшихъ и повелъ къ барину. Баринъ въ услугу ихъ не принялъ, — малы, говоритъ, больно, а только награ-

диль Максима на бѣдность хлѣбцемъ, да кое-какими харчишками. Идетъ Максимъ отъ барина съ дѣтками, попадаетъ ему на дорогѣ лѣсъ. Максимъ зашелъ въ него, будто грибокъ поискать. Дѣтки за нимъ. Зашли они тутъ далеконько, — дѣтки и спрашиваютъ отца: „куда жъ это ты насъ, батюшка, ведешь?“ Максимъ только махнулъ имъ рукой на отвѣтъ. Идутъ дальше. Мизинчикъ, смекнувши дѣло, идетъ по дорожкѣ, а самъ кусочки хлѣба бросаетъ, — идетъ, да бросаетъ, — идетъ, да бросаетъ. Шли, шли они такъ, зашли въ чашу непроходимую. Максимъ бросилъ тутъ дѣтокъ, а самъ тягу! Мальчики звать отца, — разъ, другой позвали его, — нѣту, не откликается! — Видятъ, что отецъ ихъ бросилъ, — и давай ревѣть! — Мизинчикъ и говоритъ: „не тужите, братцы, я васъ отсюда выведу!“ — Сейчасъ же отыскалъ послѣдній свой кусочекъ, который онъ на лѣсу бросилъ, за нимъ другой, третій, да такъ по нимъ и вывелъ братьевъ изъ лѣсу, — привелъ домой. Пришли дѣтки домой, стоятъ у дверей и слушаютъ. Мать и говоритъ: „ахъ, Максимъ, Максимъ! за чѣмъ же ты ихъ въ лѣсу-то бросилъ? Баринъ далъ намъ хлѣбушка и другаго прочаго кое-чего довольно, — тепериче всѣмъ бы хватило поѣсть!“ — Да мы здѣсь! — говорятъ дѣтки изъ за двери. Тотчасъ же и взошли всѣ въ избу. Мать заплакала, — напоила, накормила ихъ. И Максимъ тоже будто имъ обрадовался. На другой день запрягъ онъ лошадь и зоветъ опять дѣтокъ съ собой въ лѣсъ за дровами. Дѣтки собрались. Мизинчикъ смекнулъ опять, къ чему дѣло клонится, тотчасъ же набралъ въ кармашекъ маленькихъ камушковъ и тоже собрался съ ними ѣхать. Поѣхали. Ыхали, ѣхали, заѣхали въ глушь, — трущобу страшную! Максимъ столкнулъ тутъ съ телеги дѣтокъ своихъ, лошадь поворотилъ, стегоннулъ,

да такъ и уѣхалъ. Мизинчикъ сталъ опять дорогу отыскивать по камушкамъ, которые разбросалъ, ѣдучи по лѣсу. Вдругъ наступила ночь, — полилъ дождь, — громъ, молонья, — темень, — дѣтки сбились съ дороги, — промокли, прозябли и побрели по лѣсу на удачу. Шли, шли, — видятъ, — огонекъ въ избушкѣ! Подошли къ избушкѣ, стучатъ. Вышла къ нимъ женщина. Они и просятъ переночевать. — „Ахъ, дѣтки! говоритъ женщина, — вѣдь я Людоѣдова жена! Сейчасъ мужъ придетъ домой и всѣхъ васъ съѣстъ, какъ только узнаетъ, что вы сюда забрели. Какъ я васъ пущу-то?“ — Ничего, говоритъ Мизинчикъ, — отъ судьбы ни убѣжишь, ни уѣдешь, — воля Божья, — будь, что будетъ, пусти только теперича-то Христа ради, пріюти отъ темной ночи и непогоды! — „Ступайте!“ говоритъ женщина. Привела ихъ въ избу, обогрѣла, напоила, накормила и спать подъ кровать свою положила, чтобы мужъ не видалъ. Приходитъ Людоѣдъ. — „Ну, жена! говоритъ, — подавай ужинать, да что насытитъ, повкуситъ, отъ дождя и сырости промокъ и продрогъ весь, такъ лучше чего поѣсть надо!“ — Жена ему подала говядины, телятины, водки штофъ. Людоѣдъ все съѣлъ. — „Подавай еще, что есть!“ — Нѣту ничего! говоритъ жена. — „Не можетъ быть! говоритъ Людоѣдъ, — что жъ у тебя русскимъ мясомъ пахнетъ!“ — Жена видитъ, что мужъ учуялъ мальчиковъ и говоритъ: — это мясо тебѣ къ завтраму на жаркое берегу! — „Ладно, говоритъ Людоѣдъ, — и то хорошо!“ Послѣ того Людоѣдова жена взяла этихъ мальчиковъ изъ подъ кровати, перенесла ихъ въ свѣтлицу, гдѣ Людоѣдовы дочери спали, тоже четыре, — надѣла на нихъ колпачки, а на дочерей шапочки, пришла къ мужу и говоритъ: „уложила я всѣхъ этихъ мальчиковъ въ свѣтлицѣ и колпачки на всѣхъ понадѣла.“ — Всѣ потомъ за-

снули, одинъ Мизинчикъ не спитъ, работаетъ свое дѣло. Потихоньку ночью поснималъ онъ шапочки съ дочерей людоѣдовыхъ, надѣлъ ихъ на братьевъ, съ братьевъ колпачки снялъ, надѣлъ на дочерей людоѣдовыхъ и улегся. Ранехонько утромъ, еще темно было, приходитъ Людоѣдъ въ эту свѣтлицу, ущупалъ колпачки на дочеряхъ и давай вертѣть имъ головы, какъ курамъ, — всѣмъ перевертѣлъ, замѣсто мальчиковъ. Приходитъ къ женѣ и говоритъ: „поди, убери тамъ, я всѣмъ головы перевертѣлъ!“ — Жена пошла со свѣчкой, а Мизинчикъ разбудилъ въ это время братьевъ и давай Богъ ноги, — ушли всѣ. Приходитъ жена въ свѣтелку, видитъ, что дочери мертвыя, а мальчиковъ нѣтъ, тутъ же съ отчаянности такъ и упала въ обморокъ. Людоѣдъ ждетъ жену, — не идетъ что-то долго. Пошелъ самъ въ свѣтлицу. Приходитъ, видитъ такое несчастье, а мальчиковъ нѣту, досада взяла его на нихъ. Тотчасъ же надѣлъ на себя семиверстные сапоги и пошелъ ходуномъ по ихъ слѣду. Идетъ, шагаетъ, только версты успѣваетъ считать, — что ни шагъ, то семь верстъ, — что ни ступить, то семь верстъ. Мизинчикъ видитъ, что Людоѣдъ настигаетъ ихъ близко, тотчасъ же отыскалъ промоину въ оврагѣ, свелъ туда братьевъ своихъ, тутъ они всѣ и притаились. Людоѣдъ дошелъ до нихъ, перешагнулъ мимо и пошелъ дальше. Шагаль, шагаль, чуть всю подвселенную не обшагалъ, измучился до смерти, а мальчиковъ не нашелъ. Приходитъ назадъ къ той же промоинѣ, вздумалъ около нея отдохнуть. Сейчасъ же растянулся и захрапѣлъ во всю мочь. Мизинчикъ не будь плохъ, вышелъ изъ промоины, спялъ съ него соннаго семиверстные сапоги, надѣлъ на себя, братьямъ велѣлъ итти дальше, а самъ къ Людоѣдовой женѣ пошелъ. Приходитъ, она ужь очнулась. Онъ

и говорить: „мужъ твой попался къ разбойникамъ въ плѣнъ, они требуютъ съ него денегъ несмѣтное число, подавай всѣ, сколько у тебя есть на лицо, — посылай со мной, — онъ меня нарочно за ними прислалъ и вотъ даже на дорогу сапоги свои далъ!“ — Жена Людоѣдова повѣрила Мизинчику, отдала ему всѣ деньги. Мизинчикъ взялъ. Тотчасъ же по дорогѣ настигъ своихъ братьевъ, привелъ ихъ опять домой, — отдалъ отцу денежки и стали они съ тѣхъ поръ всѣ вмѣстѣ жить, да поживать, денегъ еще больше наживать, а объ хлѣбѣ насущномъ перестали вовсе горевать.

(Записана со словъ уроженки Смоленской губерніи.)

2. Солдаты.

Прослужилъ солдатъ 25 лѣтъ. Выходила ему чистая. Передъ отставкой пришелъ онъ къ своему начальнику и говорить: „ваше высокоблагородіе! вамъ извѣстно, что я служилъ честно и безпорочно, выстоялъ на одной квартирѣ всю службу и съ хозяйшкой не побранился ни разу! Дайте за мою вѣрную службу солдатскій значекъ, казенный барабанъ!“ — Этого нельзя! говоритъ ему начальникъ. — „Какъ хотите, говоритъ солдатъ, — а безъ этого значька мнѣ нельзя и домой притти, домашніе не повѣрятъ, — скажутъ, что я и въ службѣ-то совсѣмъ не былъ. И ежели только заправду не дадите этого барабана, такъ лучше брейте ужъ меня опять въ солдаты!“ — Начальникъ и говоритъ: — ну, братецъ, нужно тебѣ дать солдатскій значекъ! — Солдатъ низко поклонился начальнику, взялъ барабанъ и въ дорогу пустился. Идетъ однимъ селеньемъ и думаетъ: гдѣ ему почевать? Денегъ нѣтъ, — даромъ не пустятъ! Видитъ вдругъ, — домъ бояр-

скій въ сторонѣ. При этомъ домъ садъ. И думаетъ солдатъ: „пойду я въ этотъ садъ, ночую!“ Подходитъ къ нему, видитъ бесѣдку въ саду въ отдаленности и думаетъ: вотъ какую фатеру Богъ даетъ, не хуже моей бывшей, даромъ не возмешь!“ — Входитъ въ бесѣдку: „ба! да тутъ и печка!“ Скомандовалъ отъ двери: „три шага впередъ!“ Входитъ, столъ стоитъ, на столѣ бутылка, и закуска, и пирогъ боярскій. — Солдатъ думаетъ: „плохо дѣло! кто нибудь, значитъ, придетъ сюда! Погоди же! Залѣзу я на печку и ни одинъ чортъ меня тамъ не увидитъ!“ Полѣзъ на печку солдатъ, только и думаетъ: „да что же я за дуракъ! Изъ бутылки-то и не попробовалъ!“ Пошелъ опять къ столу. — „Дай-ка, говоритъ, — чебурахну, смѣлѣй будетъ!“ Хватилъ изъ горлышка порядкомъ, залѣзъ потомъ на печь, притаился въ уголку. Вдругъ слышитъ: „тпру, кобыла!“ — Смотритъ солдатъ: идетъ въ бесѣдку какой-то мужчина, прямо за столъ, взялъ бутылку и говоритъ: „что-то нынче не полна, поскупилась барыня!“ — Вотъ и она ѣдетъ, а солдатъ думаетъ: „копница валить!“ Приѣхала барыня, — всякой всячины навезла. Попили, поѣли тутъ эти приѣзжіе и идутъ къ печи. А солдатъ какъ крикнетъ на нихъ изъ угла: „куда васъ чортъ несетъ? Али мало бесѣдки-то?“ — Они какъ бросятся бѣжать оба вонъ! А солдатъ въ барабанъ бить! А они-то мчатъ безъ оглядки! — Солдатъ слѣзъ съ печи, поужиналъ за первый сортъ, выходитъ изъ бесѣдки, только одни лошади стоятъ съ повозками, а изъ людей никого нѣтъ! — А эти приѣзжіе-то, должно быть, солдата-то за чорта приняли, да и убѣжали отъ него. Солдатъ пождалъ, пождалъ ихъ, — видитъ, долго нѣту, тотчасъ же сѣлъ въ коляску ихову, стегонулъ лошадей, лошади помчали, солдатъ и поѣхалъ на нихъ бариномъ въ свою родину. А тамъ рассказалъ: „вотъ я

до какого богатства дослужился, — ступайте-ка, молю, и вы, сиволापые, служить по моему, по солдатскому!“ — Вотъ какіе солдатики-то, размолодчики бываютъ!

(Съ записки двороваго человѣка въ Москвѣ)

3. Иванъ, вдовинскій сынъ и Гриша.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, — жилъ-былъ въ одной деревнѣ мужичекъ. Вздумалъ онъ жениться. Сталъ свахъ засылать. Только свахи туда-сюда, нигдѣ не могутъ найти ему невѣсты, — вездѣ получаютъ отказную. По деревнѣ всѣ знали, что мужикъ этотъ шумливый, неразумный, до дѣла нерадивый, хоть изъ себя и здоровенный былъ. Вотъ стали надъ нимъ сосѣди смѣяться и стали говорить: „какой ты мужичинище здоровенный, а никто за тебя нейдетъ, — ни одна невѣста. Да и какая пойдетъ, не рада будетъ жизни, — натерпится муки отъ этой руки“. — И слышитъ эти смѣхи на деревни его тетушка, Маланьей звать, что хочетъ, дескать, ея племянничекъ, Трофимушка, жениться, да никто за него за мужъ нейдетъ. Куды было не по сердцу слышать эти басни тетушкѣ! — Вотъ недѣли черезъ двѣ приходитъ къ ней Трофимъ. — „Здорово, тетушка Маланья!“ — Здорово, Тронюшка, давно я тебя не видала! Богъ велѣлъ еще холостаго видѣть, а я слышала, что, на томъ краю, кто-то невѣстъ высматриваетъ, — ужъ не ты ли это полно? — „Я, тетушка Маланья!“ — Эхъ, Тронюшка, Тронюшка! — говоритъ ему тетка Маланья, — посрамилъ ты наши головушки! Куды бы ужъ тебѣ жениться! — „Я такъ и зналъ, тетушка Маланья, что ты мнѣ этаго неприговѣтуешь, — вотъ за то и не женился!“ — Ну, такъ и

не женись же безъ меня, дитятко! — „Охъ, тетушка, тетушка! — говоритъ Трофимъ, — да что же мнѣ теперича безъ жены-то дѣлать, вѣкъ изживешь бобылемъ, — никто объ тебѣ и хорошаго слова не скажетъ!“ — повалился Трофимъ ей въ ноги: „родная моя тетушка, Маланья Прохоровна, жени меня ради Бога, — куплю тебѣ я за это платокъ парчевый — самый первый сортъ изъ всего рынка!“ — Охъ, дитятко! — говоритъ ему тетка Маланья, — да есть ли на что купить-то? — „Да мнѣ дастъ хозяинъ!“ — Прельстилъ старуху Трофимъ. — Ну, слушай же, Троша! — говоритъ ему Маланья, — знаешь въ Александровкѣ недавно овдовѣла одна вдова, — за какимъ мужемъ-то хорошимъ была, за умницей, да до всего додѣльнымъ! И про самое-то нечего сказать, — кровь съ молокомъ! Празнишное время нарядится, словно павынька! Послѣ того-то мужа два парнечка остались и ужъ такіе матерья, — скоро будутъ тебѣ работниками! — „Когда жъ ты, тетушка Маланья, за сватовство-то примешься?“ — Да у меня ужъ все давнымъ давно слажено! Вотъ постой, — она общалась сегодня придти ко мнѣ за дѣльцемъ, а ты ступай-ка пока тѣмъ временемъ принарядись, да и я то поприберусь, а потомъ и приходи! — Только успѣлъ Трофимъ вытти, — стукъ въ окно! — „Дома хозяйка?“ — Ахъ, болѣзная, какая ты легкая на поминъ! Добро пожаловать! — Вошла она въ избу, Богу помолилась, поздоровалась: „охъ, матушка, Маланья Прохоровна! — говоритъ, — ужъ и насилу-то я до тебя добрела!“ — Да что съ тобой такое, не случилось ли чего дорогой? — „Охъ, матушка, — только съ большой горы стала опускаться, — ноги у меня споскользнулись, а сердце, точно голубь, такъ и затрепетало, да и теперича даже, словно выскочить хочетъ!“ — Ну,

лебедушка, это вотъ къ чему, я тебѣ скажу, — какая-то радость великая у тебя! — „Охъ, нѣтъ, Маланья Прохорова, это на безголовье!“ — Да погоди, вотъ я брошу на бобахъ, они всю правду скажутъ. — „Загадай!“ Загадала тетка Маланья. — Вотъ, лебедушка, бобы-то что говорятъ: быть тебѣ скоро за-мужемъ! — „Ну-ка еще брось: за какимъ буду?“ — Другой разъ загадала. — Матушка, — закричала тетка Маланья, — родней будешь! Да ужли, Господи, дастъ мнѣ такую родню! Да я, кажись, и Бога-то за это не умолила! — „Полно, Маланья Прохорова, что это я тебѣ ужъ такъ больно показалась? Погадай-ка въ третій разъ!“ — Кинула тетка Маланья въ третій разъ. — Вотъ что бобы-то говорятъ: близится ужъ женихъ-отъ ко двору нашему! Да, чу! кто-то и за прямъ идетъ! — А это Трофимъ былъ. — А, Трофимушка, добро пожаловать! — „Здравствуй, тетушка Маланья!“ — Здравствуй, батюшка, а посмотри-ка ты, у меня какая гостья-то сидитъ! — Нашъ Трофимъ съ ней поздоровался. — Теперича вотъ что я тебѣ скажу, племянничикъ, вотъ тебѣ невѣста, а тебѣ, моя голубушка, женихъ, чѣмъ не парень? Да и бобы сказывали, что это твой суженый! Если другъ дружкѣ пригласитесь, такъ по рукамъ, да и въ баню! Жениху-то я вижу ужъ по глазамъ, что невѣста понравилась, не знаю только какъ невѣсть? — „И мнѣ ничего!“ — говоритъ невѣста. — Ну, такъ и слава Богу! Такъ теперича встаньте-ка, да помолимся иконамъ святымъ, потомъ поцѣлуйте, да со Христомъ и давайте-ка за свадебку, — нечего тутъ хорошаго дѣла въ дальній ящикъ откладывать!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Женился наконецъ Трофимъ, живетъ годъ, и другой, и третій, только прибыли ему въ богатствѣ нѣтъ нисколько-

ко, а еще все только больше, да больше бѣднѣеть. Сталь онъ послѣ того пить, жену свою бить, а ребятишекъ такъ просто согналъ съ Божьяго свѣта. Далъ Трофимъ потомъ женѣ своей послѣдній приказъ: „чтобы не было твоихъ дѣтей въ моемъ домѣ!“ — Стала наша мать думать, да гадать, — куды бы ей своихъ дѣтей дѣвать? — И думаетъ она себѣ: „отвезу ихъ въ лѣсъ, поѣдутъ купцы, возьмутъ ихъ съ собой и станутъ какъ-нибудь жить!“ — Мужъ ушелъ куда-то, она взяла своихъ дѣтей, одѣла, обула ихъ, благословила одинаковыми образками, а сама горько плачетъ — и говоритъ: „храните материнно благословенье, вы еще молоды, забудете другъ друга, а по матернему благословенью узнаете!“ — Одному было 12 лѣтъ, а другому 14. — Потомъ завела ихъ мать въ большой лѣсъ на нѣсколько верстъ: „ступайте, говоритъ, по этой дорогѣ!“ — Разстались дѣтки съ матерью и пошли. — Немного они прошли, — лежатъ двѣ дороги! — И говоритъ меньшей братъ старшему: ступай, Гриша, ты по этой дорогѣ, а я по другой пойду! — „Нѣтъ, Ваня, мнѣ жаль тебя! — говоритъ Гриша, — а пойдемъ ужъ лучше вмѣстѣ, что Богъ не дастъ!“ — Э, Гриша! — говоритъ Ваня, — теперича нечего другъ друга жалѣть въ лѣсу дрѣмчемъ! Медвѣдь, али волкъ нападутъ, обоихъ заразъ съѣдятъ, а въ одиночку-то все, можетъ, который въ живыхъ останется! — Гриша согласился. — Распростились они. — И пошелъ Гриша по одной дорогѣ, а Ваня по другой. — И идетъ эдакъ Ваня, — гдѣ поплачетъ, гдѣ пѣсенки споетъ, гдѣ на кочечкѣ посидитъ, гдѣ полежитъ, гдѣ ягодокъ поѣстъ, покормится. — И видитъ онъ вдругъ: ѣдетъ впереди, верхомъ на хорошемъ конѣ, чловѣкъ какой-то! — Цоровнялись они; — Ваня поклонился. — „Здравствуй, Иванъ вдовинскій сынъ!“ — гово-